

УДК 343.9

Коррупционная угроза безопасности личности и её обусловленность

Горшенков Геннадий Николаевич

Доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного права,
Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского,
603115, Российская Федерация, Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, 4;
e-mail: gen7976@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема безопасности личности, или её защищённости от коррупционных преступлений. Исследуются естественные, нравственные и юридические факторы коррупционной угрозы, защищённость от которых призваны обеспечивать система соответствующих регулятивных средств.

Ключевые слова

Факторы, меры безопасности, естественный закон, нравственность, юридический закон, юридическая опасность.

Введение

Безопасность личности, как известно, одна из составляющих национальной безопасности России. Ранее в соответствии с Законом РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» (с изменениями и дополнениями)

безопасность определялась (ст. 1) как состояние защищённости, во-первых, жизненно важных интересов личности, во-вторых, общества и, в-третьих, государства. И соответствующим образом определялись основные объекты безопасности: права и свободы личности, затем материальные и ду-

ховные ценности общества; конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность государства.

Правда, ныне действующий Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ не предусматривает понятия безопасности и по-иному расставляет акценты на основные структурные элементы (виды) безопасности¹. Однако это не снижает степени важности и актуальности заявленной в названии данной статьи проблемы. В принципе любая разновидность национальной, или общественной безопасности органически связана с безопасностью личности. Это, в свою очередь, даёт возможность использования человекоцентристского (личностного) подхода в изучении проблемы безопасности и поиска путей её решения.

Сущность этого подхода заключается в *личностном смысле*, т.е. индивидуализированном отражении «действительного отношения личности к тем объектам, ради которых развёртывается её деятельность...»².

1 Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. №390-ФЗ «О безопасности» // Российская газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/12/29/bezopasnost-dok.html>

2 Карпенко Л.А. Личностный смысл // Краткий психологический словарь. – М.: Политиздат, 1985. – С. 164.

Отношение же это может быть выражено положением статьи 2 Конституции РФ: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

Безопасность и угрозы

Безопасность есть отсутствие опасности. В принципе опасность, или угроза (потенциальная) всегда существует, в том числе и, особенно, для личности; в любом случае угроза материальным и духовным ценностям общества или конституционному строю и территориальной целостности государства оказывается угрозой и личностной безопасности.

Разумеется, очень важно вовремя *увидеть* проявление угрозы. Но ещё важнее *предвидеть* такую угрозу, предусмотреть возможность возникновения той самой коррупциогенной ситуации, в которой, например, государственный или муниципальный служащий оказывается перед непростой дилеммой: пойти на так называемый коррупционный риск или не рисковать? В том и другом случае очень важно знать ответ на вопрос, почему «коррупционно деликтоспособное»

лицо поступило именно так: или реализовало, или подавило в себе эту способность?

Второй случай обычно не интересует криминалиста, криминолога. Уголовно-правомерное поведение как «светлый» объект криминологического исследования остаётся в тени другого объекта – преступного поведения. Между тем в системе обеспечения безопасности личности, как нам представляется, доминирующую роль играет её нравственно-правовая устойчивость, в данном контексте – «антикоррупционная устойчивость». Это свойство учёный О.В. Ванновская определяет как «системное свойство личности, проявляющееся в способности противостоять коррупционному давлению и осуществлять выбор между криминальным и законопослушным поведением в пользу последнего»³.

В такого рода «системном свойстве» находит выражение сложное «переплетение» отношений права и неправа, которое так интересовало, в частности, Г.В.Ф. Гегеля. И в этом плане сложился интеракционистский подход к объяснению причинности

3 Ванновская О.В. Личностные детерминанты коррупционного поведения // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – № 102. – С. 324.

преступного поведения. В его основе, как известно, рассматриваются две стороны: личность и среда. При этом учитывается весьма усложняющая их взаимосвязи природная составляющая обеих сторон.

Выдающийся русский юрист М.П. Чубинский, анализируя сложившуюся ситуацию в «эпоху расцвета уголовно-политических учений», писал, что с мечтами об исчезновении преступности с улучшением социальной жизни приходится расстаться, ибо такое улучшение имеет пределы и не может быть достигнуто такое состояние общества, при котором бы «совершенно исчезли социальные факторы, порождающие преступность... Преступность будет существовать уже по одному тому, что человечество не может быть выкроено по одному идеальному шаблону; не могут быть окончательно упразднены страсти, индивидуальные особенности, психофизические дефекты и пр., а эти-то личные факторы, хотя бы и в ослабленном виде, в связи с остатками прочих факторов будут питать преступность»⁴.

4 Чубинский М.П. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права / Сост. и вступ. статья

Анализируя разные в то время подходы к осмыслению и последующему объяснению этиологии преступного поведения, обращает на себя внимание позиция антропологической, или позитивной школы уголовного права, которая фокусировала в себе устремления научной мысли *трёх направлений*. Выступая в Болонском университете с лекцией «Преступления и преступники в науке и в жизни» и объясняя пригласившим его студентам сущность учение новой позитивной школы уголовного права, в отношении которой не угасали полемические страсти, Э. Ферри опроверг обвинения их, позитивистов якобы в том, что занимаются только лишь патологией, психиатрией, статистикой. «... Это одна выдумка, так как мы добиваемся лишь того, чтобы прежде чем изучить, например, убийцу с его юридической точки зрения, его изучили с точки зрения естественной и социальной, и лишь когда точно будет установлен генезис преступления, – занялись его юридической стороной»⁵.

В.С. Овчинского, А.В. Фёдорова. – М.: ИНФРА-М, 2008. – С. 411.

5 Ферри Э. Преступления и преступники в науке и в жизни. Две лекции (Перевод с итальянского). Издание Н. Лейненберга. – Одесса: Труд, 1890. – С. 16.

Таким образом, представители антропологической школы развивали три важных направления учения о преступности: *естественное* (Ч. Ломброзо), *социальное* (Э. Ферри) и *юридическое* (Р. Гарофало) – три вождя антропологической школы.

В развитие этих основополагающих концепций причинности (и соответствующих направлений превенции), мы и предпринимаем попытку моделировать структуру нормативных мер обеспечения антикоррупционной безопасности личности (в части защищённости от угрозы коррупционной преступности). А это требует соответствующих знаний не только о том, какие личностные ценности, интересы обеспечиваются охранительными нормами, а в большей мере о детерминантах их угрозы.

Возникает задача – найти ответ на вопрос, как предусмотреть возможность, т.е. предпосылки вполне возможной такой угрозы, нейтрализовать их, воспрепятствовать им на дальних подступах, т.е., по сути, исключив применение затратных мер безопасности. В частности, воздействуя на соответствующие детерминанты, отвести угрозу от личности потенциального коррупционера. Это тем более

актуально, что ныне, как необычно высказался проф. С.Ф. Милюков: «Теперь пришла пора выразить своё мнение и по поводу мер безопасности в отношении экономических преступников, прежде всего особо крупных и сверхкрупных расхитителей и коррупционеров...»⁶.

«Необычно», т.е. «нетрадиционно». Имеется в виду не однозначное отношение к преступнику («вор должен сидеть в тюрьме»), а более сложное: видеть в преступнике (в определённых случаях) ещё и жертву преступления, например, пассивного коррупционера, поддающегося соблазну, в который его вводит искуситель-взятодатель. Именно инициативный подкуп со стороны корруптёра как социальный феномен в купе с искушением как физиологическим феноменом личности потенциального коррупционера приводит к коррупционной (криминальной) сделке, в результате которой купленный чиновник становится *одновременно* и

жертвой, и преступником или «*криминализованной жертвой*»⁷.

Таким образом, в анализе данной проблеме мы обращаем внимание на вопросы внутренней (личностной) и внешней (не личностной) детерминации.

Как следует из теории безопасности, *меры* безопасности должны быть подчинены правилу соразмерности, во-первых, *степени* опасности источников и, во-вторых, *ценности* объектов охраны, или защиты как её активной формы (в данном случае «охрану» и «защиту» мы рассматриваем как синонимы, хотя существует и другой, дифференцированный подход⁸). Исходя из этого правила, точнее принципа, мы попытались смоделировать действия правил безопасности относительно личности потенциального и реального коррупционера. При этом использовали более общие критерии в соответствии с предполагаемой структурой нормативных мер обеспечения антикоррупционной

6 Право безопасности. 1 ноября 2013 года состоялась беседа на тему «Право безопасности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.criminologyclub.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=146:2013-11-04-10-24-41&catid=3:last-sessions&Itemid=1

7 Горшенков Г.Г. Личность перед опасностью криминальной угрозы: Монография. – Нижний Новгород, 2006. – С. 77.

8 Журкина О.В. Нормы международного права и их влияние на национальное законодательство в вопросе о соотношении понятий «защита» и «охрана» // Вопросы российского и международного права. – 2013. – № 9-10. – С. 94.

безопасности личности в трёх избранных нами аспектах. Таким образом, эти охранительные правила мы «разместили» в трёх разновидностях («отраслях») закона: а) *естественного* закона, или закона природы; б) закона *нравственности* и в) *юридического* закона. В соответствии с этим открылась возможность соответствующим образом структурировать и *нормонарушающую опасность*.

Естественный закон

Относительно естественного закона следует заметить, что внимание к нему научной общественности не только сохранилось с далёких времён, в которые, как уже упоминалось выше, бурно выяснялись отношения между уголовной и социальной антропологией, но, как подмечают учёные, «в последние годы наблюдается новый всплеск интереса к проблеме биологической, природной обусловленности поведения человека»⁹. Проблема заключается, главным образом, в том, что человек как творение природы подчинён первоочередным объективным естественным законам и

уже потом – законам условным, позитивным, который постоянно изменяется по (политической) воле самого человека – «я как мыслящее существо и я как чувственное существо»¹⁰.

Но знаменитый французский философ, энциклопедист, кстати, иностранный почётный член Петербургской Академии наук Поль Гольбах в своей «Библии материализма» (как современники окрестили его наиболее известное сочинение «Система природы, или о законах мира физического и мира духовного») находил неосновательным различие человека физического и человека духовного. «Душа составляет часть нашего тела и её можно отличить от него лишь в абстракции, что она есть то же тело, только рассматриваемое в отношении некоторых функций, или способностей, которыми наделила человека особая природа его организации»¹¹.

Эту же мысль находим у И. Канта, утверждающего, что «материя с помощью своей силы, коей она обладает в движении, изменяет состоя-

9 Шевчук В.Ф., Шевчук В.Д. Поведение. Монография / Под общ. ред. проф. В.В. Новикова. – Ярославль, 2004. – С. 89.

10 Кант И. Сочинения в шести томах / Под ред. А. Гульги. – М.: Чоро, 1965. – Т. 4. – Ч. 2. – С. 372.

11 Гольбах П.А. Избранные произведения в двух томах / под общ. ред. и вступ. Стат. Х.Н. Момджяна. Пер.с фр. П.С. Юшкевича. – М.: Соцэкгиз, 1963. – Т. 1. – С. 134.

ние души, благодаря чему душа представляет себе мир»¹².

Невольно приходит на ум крылатое выражение «В здоровом теле – здоровый дух». А в нездоровом теле, естественно, и нездоровый дух, что, например, и доказал Ч. Ломброзо, кстати, подтвердив идею «чистого разума», открыв с помощью эмпирического метода и обратную связь: нравственного нездоровья с – физическим. Анализируя процесс деморализации общества, в котором правит бал насилие, Ломброзо пишет: «... Человечеству следовало бы углубиться в свою совесть и перестать служить жестокому культу грубой силы»¹³.

Нарушения естественного закона ведёт к негативным, вредным и наконец, опасным для здоровья и жизни человека последствиям (употребление табака, алкоголя, наркотиков или психотропных веществ, противоестественное голодание, членовредительство, аборт и др.). За такие нарушения наказывает природа, не способная прощать. «Помни: я наказываю суровее, чем все боги, за земные преступления, – утверждает Гольбах от

имени Природы в её Кодексе; – дурной человек может избежать кары человеческого закона, но он никогда не уйдет от моих законов»¹⁴.

Но вместе с этим во многих случаях, движимый естественным законом, человек вступает в противоречие с другими законами, вторгающимися в правовое поле природы, – законом совести, общественной и религиозной моралью, юридическим законом. И, таким образом, подвергает себя опасности, в данном случае коррупционной угрозе со всеми возможными моральными или юридическими последствиями.

Наиболее активным источником такого рода нормонарушающей угрозы представляется мотив. В данном контексте имеется в виду мотив коррупционного преступления, субъектом которого является «коррупционно деликтоспособное» лицо, или условно назовём его «служащим», относя сюда и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях.

К сожалению, в современных исследованиях причин коррупционных преступлений личностный аспект остаётся мало востребованным. Например, известный специ-

12 Кант И. Сочинения в шести томах / Под ред. А. Гульги. – М.: Чоро, 1965. – Т. 4. – Ч. 2. – С. 66.

13 Ломброзо Ч. Преступный человек. – М.: Эксмо, Мидгард, 2005. – С. 235.

14 Гольбах П.А. Указ.соч. С. 678.

алист в области изучения личности преступника, проф. Ю.М. Антонян, говоря о недостатках научных исследований коррупции, указывает в одном из интервью об односторонности таких исследований: «...В основном изучаются правовые и социологические аспекты коррупции при полном игнорировании психологических аспектов. Создается впечатление, что берут и дают взятки, злоупотребляют своим служебным положением и т.д. не живые люди с их страстями и влечениями, а некие роботы, лишённые потребности и чувств»¹⁵. По убеждению (основанному на выводах проведённых исследований) проф. Ю.М. Антоняна, коррупционное поведение «полемотивировано, т.е. порождено несколькими ведущими мотивами, точнее двумя»¹⁶. Один из которых он определяет как основной – *корысть*, а другой – как дополнительный, «глубинный, смысловой», *игровой мотив*.

К этим мотивам коррупционного поведения нельзя не добавить *честолюбие*, или страсть, жажду известности, почестей и *властолюбие* как стремление добиться власти над

другими. Разумеется, эти мотивы могут выступать и «движителем» не только преступного (коррупционного) преступления, но в данном случае я рассматриваю их применительно к коррупционному поведению.

Корысть как основной мотив «прорастает» в сознание из чувства собственности, постепенно становясь вредной привычкой и переходя в страсть. Оценивая вредность страстей для разумности, И. Кант сравнивал их с раковой опухолью, которая в большинстве случаев неизлечима¹⁷. Для человека, поражённого такой болезнью, стремление к получению материальных благ становится самоцелью, и он уже на этом пути не останавливается. А соблазн велик, и тяга к нему непреодолима. Архимандрит Иоанн, называя два самых страшных греха для спасения в человеке – *осуждение* и *соблазн*, – приводит слова из Библии: «Горе миру от соблазнов... но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф. 18, 7).

В другом, игровом мотиве также находит выражение глубинная сила, действующая в бессознательной сфере психики. По выводам Ю.М. Ан-

15 Антонян Ю.М. Типология коррупции и коррупционного поведения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://antonyan-jm.narod.ru/inter3.html>

16 Там же.

17 Кант И. Сочинения в шести томах / Под ред. А. Гульги. – М.: Чоро, 1965. – Т. 4. – Ч. 2. – С. 512.

тоняна, очень многие коррупционеры вступают в эту захватывающую криминальную игру и вне её уж не представляют себя. «Это является главной причиной того, что они совершают коррупционные преступления на протяжении многих лет, устанавливая при этом определённые отношения со своими соучастникам»¹⁸.

Закон совести

Поскольку человек – разумное существо, то он должен рассматривать себя принадлежащим «не к чувственно воспринимаемому, а к умопостигаемому миру» и должен осознавать, что подчинён «законам, которые, будучи независимы от природы, основаны не эмпирически, а только в разуме»¹⁹.

Категорию «совесть» можно определить как *свойство природы* человека – «невидимая и таинственная сила, присутствующая в человеке и принуждающая его делать то, что является добрым и правильным»²⁰. Со-

циализация личности одухотворяет это свойство, которое по мере взросления и воспитания личности обретает её способность «осуществлять нравственный самоконтроль, самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности, требовать от себя их выполнение и производить самооценку совершаемых поступков; одно из выражений нравственного самосознания личности»²¹.

Итак, совесть есть основной личностный регулятор нравственного выбора. Уже одно это во многом определяет её *функциональность*. Например, И.С. Домусчи, изучивший феномен совести в православном богословии русской религиозно-философской традиции, указывает на её *законодательную* функцию, которая проявляется в полярных подфункциях – *побудительную* и *запрещающую* (под «угрозой» осуждения и порицания). Все они, пишет учёный, по смыслу составляют общую – *рассудительную* – функцию²².

18 Антонян Ю.М. Типология коррупции и коррупционного поведения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://antonyan-jm.narod.ru/inter3.html>

19 Кант И. Указ. соч. С. 247.

20 Архимандрит Платон (Игумнов). Православное Нравственное Богословие. [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: <http://razom.znaimo.com.ua/docs/1105/index-42415.html?page=6>

21 Карпенко Л.А. Краткий психологический словарь. – М.: Политиздат, 1985. – С. 325.

22 См.: Домусчи И.С. Феномен совести в православном богословии русской религиозно-философской традиции:

Однако совесть не сама по себе выступает регулятором, руководителем, а основывается на знании. И очень важно, каким будет это знание – совершенным, расширяющим границы нравственного, или знание несовершенно, сужающее эти границы либо дающее неверные представления. Не укрепленная в истинном знании, поставленная от него в зависимость, совесть оказывается *немошной*, или *неуверенной*

В этом случае немощная совесть опирается не на знание, поскольку его недостаточно или оно отсутствует вообще, а на поведение, которое видит. Повторение же подобного приводит к порочному навыку – побуждению человека идти против совести. Из этого следует вывод о необходимости постоянно работать над тем, чтобы, во-первых, охранять непорочную совесть от недостоверных знаний, во-вторых, обогащать совесть достоверными знаниями (очищать просвещенностью). Тогда человек будет руководствоваться чистой совестью.

Нетрудно, таким образом, определить следующие некоторые видимые нами факторы или детерминанты нормонарушающей направленности совестливого поведения служащего.

автореф. дис. ... канд. богословия. – М., 2012. – 31 с.

Во-первых, может быть добросовестное заблуждение в том, что «идоложертвенное» вполне можно есть, и это демонстрируют окружающие, тем более вышестоящие (осквернение совести). Например, исследование, проведенное Г.С. Гончаренко, показало, в частности, что 8% осужденных коррупционеров вовсе не думали, что совершают преступление, а действовали, будучи уверенными, что так было принято.

Во-вторых, поступок допускается как исключение. В процессе того же исследования было установлено, что 17% изученных им осужденных совершили преступление ввиду внезапно возникших обстоятельств личного (служебного) характера²³. Однако и здесь, при повторном исключении оно уже обращается в правило, т.е. переходит в тот самый порочный навык, о котором упоминалось выше. Особенно коварно здесь осознание убедительности такого аргумента, как «благая» цель – взятка берётся не для себя, а для общего блага, в интересах учреждения, что «нейтрализует» совесть, совершая с ней сделку.

23 Гончаренко Г.С. Криминологический анализ личности коррупционного преступника. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.advpalataro.ru/info/trainings.php?ID=7291&PHPSESSID=1f76101c7db18ed2ef817067e36e149f>

В-третьих, безропотное следование правилам корпоративной морали, авторитарность которой подавляет совесть, оскверняя и превращая, наконец, её как вводящую в соблазн, настаивающую на корыстный поступок.

В-четвёртых, совесть подавляется вследствие прямого соблазна, ослепляющего, или парализующего разум, который перестаёт быть для совести её добрым советчиком. Упомянутое исследование свидетельствует: 5% опрошенных коррупционеров не смогли устоять перед той суммой, которая была предложена в качестве взятки, а 52,3 % – пошли на преступление, так как риск его совершения был оправдан большой выгодой взяточничества.

В-пятых, очевидное притупление, вплоть до «утраты» совести. И во многом, потому что сознание служащего осквернено самой реальностью, которая безоговорочно убеждает большинство (59%) их в том, что в современных условиях «не брать» и «не давать» невозможно»²⁴. Она возвращается тогда, когда её носитель, изобличённый в преступлении, предстаёт перед следствием и судом, перед общественной моралью. Вот тут он и испытывает ответное угрызение совести.

²⁴ Там же.

Юридический закон

Переходя к рассуждению о внешнем, юридическом законе, прежде всего, укажем на содержащиеся в нём факторы нормонарушающей опасности. Известно, каким сложным процессом является взаимодействие нравственного закона, общественной морали и права. В этом процессе правоведы выделяют четыре компонента: *единство* и *различие*, *взаимодействие* и *противоречие*²⁵. Причём, например, различия и противоречия существуют объективно, и не могут быть полностью устранимы. Но некоторые противоречия носят отнюдь не объективный характер. Как указывает проф. Н.И. Матузов, «мыслимы ситуации, когда закон нечто разрешает, а мораль «запрещает» и, наоборот, закон «запрещает», а мораль «разрешает». Согласия между ними нет»²⁶.

Совесть велит поступать воле именно так, как она воспринимает правоту того «судилища», в котором мысли (поначалу обвиняя или прощая друг друга), наконец, обретают консенсус.

²⁵ Матузов Н.И. Право в системе социальных норм // Общая теория права: Курс лекций / Под общ.ред. В.К. Бабаева. – Нижний Новгород: Нижегород. ВШ МВД СССР, 1993. – С. 191-192.

²⁶ Там же. С. 202.

Принуждение здесь исключено, поэтому, как писал Гегель в «Философии права» (в развитие мысли Канта): «Человека можно как живое существо принудить, ... т. е. подчинить власти других его физическую и вообще внешнюю сторону, но свободная воля в себе и для себя *принуждена* быть не может...». И далее: «Принудить к чему-то можно только того, кто хочет, чтобы его *принудили*»²⁷. А если не хочет, позволим себе продолжить, его принудит внешний, юридический закон.

В силу того, что принуждение подавляет внешнюю сторону человека, т. е. вынуждая его подчиниться позитивному закону, этот гарант порождает неоправданные надежды у спекулятивного политического (уголовно-политического) разума. В этом проявляется такая, например, дисфункциональность антикриминальной политики, которая рассматривается в известной нам частной криминологической концепции «драматизация зла».

Так разумное принуждение неразумно переносится из области правоотношений в область «властеотноше-

ний», т. е. отношений, определяемых соображениями целесообразности²⁸. А это легко может скомпрометировать обоих гарантов свободы выбора – и закон, и совесть.

Например, Федеральный закон от 25 декабря 2008 года N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в числе основных мер по профилактике коррупции (статья 6) первым же пунктом предусматривает «формирование в обществе *нетерпимости* к коррупционному поведению» (выделено нами – *авт.*).

Вместо комментариев приведём высказывание Вольтера: «...Право, основанное на нетерпимости, – дикое и нелепое; это право тигров, но даже ещё страшнее, ибо тигры рвут свою жертву на куски только для того, чтобы её съесть, а мы истребляем друг друга согласно параграфу»²⁹.

Важно выявлять и устранять факторы нормонарушающей опасности в уголовном законе. Именно такие факторы превращают юридический закон в криминогенный. Профессор Д.А. Шестаков даёт ему такое опреде-

27 Гегель Г.В.Ф. Философия права. Пер. с нем. / Ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсисянц. – М.: Мысль, 1990. – С. 141.

28 Гессен В.М. Лекции по полицейскому праву. – СПб., 1907-1908. – С. 5.

29 Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта / В переводе и под ред. С.А. Мальцевой. – СПб.: Пневма, 2002. – С. 615.

ление: «Под криминогенным законом понимается такой закон, положения которого способствуют совершению преступлений. Изучение механизмов криминогенности законов – предпосылка качественной их экспертизы, необходимой для освобождения нормативных правовых актов от вредоносных норм и положений»³⁰.

Это особенно касается антикоррупционного законодательства, в котором имеет распространение коррупциогенность. Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» коррупциогенными факторами определены (ст. 1) «положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределённые, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции»³¹.

30 Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. – С. 62.

31 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и про-

В связи с этим нормонарушающая опасность проявляется в угрозе антикоррупционной безопасности личности юридического характера. Следовательно, возникает (требующая научного и практического разрешения) проблема юридической безопасности служащего. Юридическую безопасность проф. А.А. Тер-Акопов определяет как «состояние защищённости человека, в связи с вступлением его в сферу правовых отношений» и «предметом защиты являются жизнь, здоровье (физическое и психическое, законные права и интересы, вытекающие из данных отношений»³².

Основываясь на концепции А.А. Тер-Акопова, можно обозначить некоторые источники коррупционной юридической опасности;

– пробельность, противоречивость, а отсюда и неэффективность правовых норм антикоррупционного законодательства;

– нежелание применять нормы закона, что отрицательно сказывает-

ектов нормативных правовых актов»: Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ (в ред. ФЗ от 21.11.2011 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://to52.minjust.ru/node/2608>

32 Тер-Акопов А.А. Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции). – М.: МНЭПУ, 1998. – С. 149.

ся на авторитете власти, но позитивно – на авторитете криминала; а всё это убивает надежду личности на её безопасность;

– произвол со стороны правоприменителя, доходящий до того, что человек, обратившийся за юридический защитой или поступивший по закону, но вследствие упомянутого произвола сам оказывается «произведённый» в правонарушители и др.³³

Позволим добавить к сказанному то важно положение, которое высказывал Ч. Беккариа, т.е. о том самом законе природы, которому не должен противоречить юридический закон. Размышляя о неотъемлемом праве государства наказывать за преступное посягательство на «священном» и «нерушимом» право человека на безопасность, Беккариа указывал на необходимость при этом обращаться к природе человека, в которой «заложены те же основные принципы, которые подтверждают неотъемлемость права верховной власти наказывать за преступления»³⁴. В противном случае, считал учёный, тщетно тешить себя надеждой на «существенное улучше-

ние морали, если политика, проводимая в нравственной сфере, не опирается на вечные чувства, присущие человеческой природе»³⁵, и любой закон, который вступает в противоречие с этими чувствами, «неизбежно столкнется с противодействием, которое, в конце концов, окажется сильнее»³⁶.

Эта задача усложняется той необходимостью, перед которой поставлен юридический закон, – «воздействовать на чувства, чтобы воспрепятствовать эгоистическим поползновениям души каждого отдельного индивида ввергнуть законы общества в пучину первобытного хаоса»³⁷. Такая необходимость продиктована тем, что «массы не в состоянии ни усвоить твердые правила поведения, ни противостоять всеобщему закону разложения, проявление которого наблюдается и в мире физических явлений, и в сфере морали»³⁸.

Кстати, в данном контексте можно привести и отрицательное суждение Ч. Беккариа о присяге, которая вызывает «между законами и естественными чувствами человека,

33 Там же. С. 149-150.

34 Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. – М.: Стелс-БИМПЛ, 1995. – С. 70.

35 Там же.

36 Там же.

37 Там же. С. 68.

38 Там же.

поскольку она требует давать правдивые показания как раз в то время, когда человеку исключительно выгодно лгать»³⁹. И разум в подобных случаях объявляет бесполезными и вредным все законы, которые противоречат естественным чувствам человека⁴⁰.

Моделируя настоящую систему детерминации коррупционной угрозы безопасности личности, по существу мы выходим на общую, можно сказать, универсальную аналогичную трёхмерную модель детерминации криминальной угрозы безопасности личности. В этой модели определяем личность главным предметом исследования и рассматриваем человека как «меру всех вещей», критерии которой берутся из сферы действия выделенных нами законов, т.е. *чувственного* (удовольствия – неудовольствия), *нравственного* (добра – зла), *юридического* характера (должного – сущего).

Такой, подход усматривается и в политике национальной безопасности России. Например, в «Концепции общественной безопасности в Российской Федерации»⁴¹ обращают на себя

внимание в частности три момента: 1) понятием «общественной безопасности» охватывается, прежде всего, «состояние защищённости человека и гражданина» (ст. 4); 2) «приоритетной задачей обеспечения общественной безопасности» определена «защита жизни, здоровья», конституционных прав и свобод человека и гражданина» (ст. 26); 3) в числе основных задач определена «превентивная защита материальных и духовных ценностей общества от угроз криминального характера» (п. «д» ст. 26). А духовность человека как главная ценность общества есть не что иное, как интегрированное свойство личности, которое составляют духовные нравственные и интеллектуальные интересы⁴².

Заключение

Проблема безопасности личности – это не только, а сегодня не столько «дело рук утопающего», сколько обязанность государства. Но обязанность заключается и в том, чтобы создавать и обеспечивать условия

ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/19653>

39 Там же. С. 135.

40 Там же. С. 136.

41 Концепция общественной безопасности в Российской Федерации. [Электронный

42 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Духовность // Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополн. – М.: Азбуковник, 1997. – С. 183.

усиления личностного потенциала, в котором заключена главная сила, способная противостоять коррупционной угрозе.

И главным условием здесь выступает гармонизация воздействий на личность и его окружение этих трёх мощных регулятивных сил.

Библиография

1. Антонян Ю.М. Типология коррупции и коррупционного поведения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://antonyan-jm.narod.ru/inter3.html>
2. Архимандрит Платон (Игумнов). Православное Нравственное Богословие. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://razom.znaimo.com.ua/docs/1105/index-42415.html?page=6>
3. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. – М.: Стелс-БИМПЛ, 1995. – 303 с.
4. Ванновская О.В. Личностные детерминанты коррупционного поведения // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – № 102. – С. 323-328.
5. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
6. Гессен В.М. Лекции по полицейскому праву. – СПб., 1907-1908. – 336 с.
7. Гольбах П.А. Избранные произведения в двух томах / Под общ. ред. и вступ. Стат. Х.Н. Момджяна; пер.с фр. П.С. Юшкевича. – М.: Соцэкгиз, 1963. – Т. 1. – 715 с.
8. Гончаренко Г.С. Криминологический анализ личности коррупционного преступника. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.advpalataro.ru/info/trainings.php?ID=7291&PHPSESSID=1f76101c7db18ed2ef817067e36e149f>
9. Горшенков Г.Г. Личность перед опасностью криминальной угрозы: Монография. – Нижний Новгород, 2006. – 108 с.
10. Домусчи С. Феномен совести в православном богословии русской религиозно-философской традиции: автореф. дис. ... канд. богословия. – М., 2012. – 31 с.
11. Журкина О.В. Нормы международного права и их влияние на национальное законодательство в вопросе о соотношении понятий «защита» и «охрана» // Вопросы российского и международного права. – 2013. – № 9-10. – С. 88-97.

12. Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта / В пер. и под ред. С.А. Мальцевой. – СПб.: Пневма, 2002. – 880 с.
13. Кант И. Сочинения в шести томах / Под ред. А. Гульги. – М.: Чоро, 1965. – Т. 4. – Ч. 2. – 478 с.
14. Карпенко Л.А. Краткий психологический словарь. – М.: Политиздат, 1985. – 431 с.
15. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/19653>
16. Ломброзо Ч. Преступный человек. – М.: Эксмо, Мидгард, 2005. – 876 с.
17. Матузов Н.И. Право в системе социальных норм // Общая теория права: Курс лекций / Под общ.ред. В.К. Бабаева. – Нижний Новгород: Нижегород. ВШ МВД СССР, 1993. – С. 22-246.
18. «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»: Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ (в ред. ФЗ от 21.11.2011 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://to52.minjust.ru/node/2608>
19. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., дополн. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
20. Право безопасности. 1 ноября 2013 года состоялась беседа на тему «Право безопасности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.criminologyclub.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=146:2013-11-04-10-24-41&catid=3:last-sessions&Itemid=1
21. Тер-Акопов А.А. Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции). – М.: МНЭПУ, 1998. – 196 с.
22. Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. №390-ФЗ «О безопасности» // Российская газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/12/29/bezopasnost-dok.html>
23. Ферри Э. Преступления и преступники в науке и в жизни. Две лекции (Перевод с итальянского). Издание Н. Лейненберга. – Одесса: Труд, 1890. – 54 с.
24. Чубинский М.П. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права / Сост. и вступ. статья В.С. Овчинского, А.В. Фёдорова. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 435 с.

25. Шевчук В.Ф., Шевчук В.Д. Поведение: Монография / Под общ. ред. проф. В.В. Новикова. – Ярославль, 2004. – 136 с.
26. Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. – 75 с.
-

Corrupt personality security threat and its conditionality

Gorshenkov Gennadii Nikolaevich

Full Doctor of Law,
professor of the department of criminal law,
N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
P.O. Box 603115, Ashkhabadskaya str., No. 4, Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: gen7976@yandex.ru

Abstract

The article considers the security problems of personality, which threat comes from the corruption or corruption-related crimes. Security of the person is identified as an important issue of national security. The author draws attention to the role of internal factors in ensuring the protection of the individual against corruption, which together constitute an integrated personal character or moral and legal stability. Three main groups of factors of corruption threats are studied: natural, moral and legal factors. The protection must be provided by the system of relevant regulatory provisions, which embody the natural, moral and legal rules. The complexity of the internal threats to the individual, in which natural factor plays a special role, is revealed. Herewith, the natural factor is denoted by the dependence primarily on moral, social factors. These factors produce lucrative and gaming motives, cause that deep force that acts in the sphere of the unconscious psyche. Under the influence of this natural force a rationale loses the controlling force. In general, it leads to a loss of moral and legal stability of personality, and personality is exposed to the threat of corruption. A positive assessment of "The Concept of Public Security in the Russian Federation", approved by the President

of the Russian Federation in November 2013, which is focused on the protection of constitutional rights and freedoms of man and citizen, shall be regarded. The author offers an idea of revising current policy of combating corruption, i.e. the need to focus on ensuring the harmonization of operating natural, moral and legal rules with regard to the individual.

Keywords

Factors, security measure, natural law, morality, legal law, legal danger.

References

1. Antonyan, Yu.M., "Typology of corruption and corrupt behavior" ["Tipologiya korruptsii i korrupsionnogo povedeniya"], available at: <http://antonyan-jm.narod.ru/inter3.html>
2. Archimandrite Platon (Igumnov), "Orthodox Moral Theology" ["Pravoslavnoe Nravstvennoe Bogoslovie"], available at: <http://razom.znaimo.com.ua/docs/1105/index-42415.html?page=6>
3. Beccaria, C. (1995), *On Crimes and Punishments* [*O prestupleniyakh i nakazaniyakh*], Stels-BIMPL, Moscow, 303 p.
4. Chubinskii, M.P., Ovchinskii, V.S., Fedorov, A.V. (2008), *Essays on criminal policy: concept, history and basic problems of the criminal policy as an integral part of science of criminal law* [*Ocherki ugolovnoi politiki: ponyatie, istoriya i osnovnye problemy ugolovnoi politiki kak sostavnogo elementa nauki ugolovnogo prava*], INFRA-M, Moscow, 435 p.
5. Domuschi, S. (2012), *The phenomenon of conscience in Orthodox theology of Russian religious and philosophical traditions: Author's thesis* [*Fenomen sovesti v pravoslavnom bogoslovii russkoi religiozno-filosofskoi traditsii: avtoref. dis. ... kand. Bogosloviya*], Moscow, 31 p.
6. Federal Law o, 28 December 2010 No. 390-FZ "On Security" ["Federal'nyi zakon Rossiiskoi Federatsii ot 28 dekabrya 2010 g. No. 390-FZ "O bezopasnosti"], *Rossiiskaya gazeta*, available at: <http://www.rg.ru/2010/12/29/bezopasnost-dok.html>
7. Ferri, E. (1890), *Crime and criminals in science and life. Two lectures (Translated from Italian). Edition of N. Leinenberg* [*Prestupleniya i prestupniki v nauke i v zhiz-*

- ni. Dve lektsii (Perevod s ital'yanskogo). Izdanie N. Leinenberga*], Trud, Odessa, 54 p.
8. Gessen, V.M. (1907-1908), *Lectures on police law [Lektsii po politseiskomu pravu]*, St. Petersburg, 336 p.
 9. Goncharenko, G.S., "Criminological analysis of character of the corrupt criminal" ["Kriminologicheskii analiz lichnosti korruptsiionnogo prestupnika"], available at: <http://www.advpalataro.ru/info/trainings.php?ID=7291&PHPSESSID=1f76101c7db18ed2ef817067e36e149f>
 10. Gorshenkov, G.G. (2006), *Personality before the danger of criminal threat: Monograph [Lichnost' pered opasnost'yu kriminal'noi ugrozy: Monografiya]*, Nizhny Novgorod, 108 p.
 11. Hegel, G.W.F. (1990), *Philosophy of Law. Trans. from Ger. [Filosofiya prava. Per. s nem.]*, Mysl', Moscow, 524 p.
 12. Holbach, P.H. (1963), *Selected works in two volumes. Vol. 1 [Izbrannye proizvedeniya v dvukh tomakh. T. 1]*, Sotsekgiz, Moscow, 715 p.
 13. Kant, I. (1965), *Works in six volumes. Vol. 4. Part 2 [Sochineniya v shesti tomakh. T. 4. Ch. 2]*, Choro, Moscow, 478 p.
 14. Karpenko, L.A. (1985), *Brief psychological dictionary [Kratkii psikhologicheskii slovar']*, Politizdat, Moscow, 431 p.
 15. Lombroso, C. (2005), *Criminal Man [Prestupnyi chelovek]*, Eksmo, Midgard, Moscow, 876 p.
 16. Mal'tseva, S.A. (2002), *Western philosophy from its origins to the present day. From the Renaissance to Kant [Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dnei. Ot Vozrozhdeniya do Kanta]*, Pnevma, St. Petersburg, 880 p.
 17. Matuzov, N.I., Babaev, V.K. (1993), "The right in the system of social norms", *General Theory of Law: Lectures ["Pravo v sisteme sotsial'nykh norm", Obshchaya teoriya prava: Kurs lektsii]*, Nizhegor. VSh MVD SSSR, Nizhny Novgorod, pp. 22-246.
 18. On anti-corruption expertise of legal acts and draft regulations": Federal Law on 17 July 2009 No. 172-FZ (as amended by the Federal Law on 21 November 2011)" ["Ob antikorrupsionnoi ekspertize normativnykh pravovykh aktov i proektov normativnykh pravovykh aktov": Federal'nyi zakon ot 17.07.2009 No. 172-FZ (v red. FZ ot 21.11.2011 g.)"], available at: <http://to52.minjust.ru/node/2608>

19. Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. (1997), *Explanatory dictionary of Russian language. 4th ed., enl.* [Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. 4-e izd., dopoln.], Azbukovnik, Moscow, 944 p.
20. Shestakov, D.A. (2011), *Introduction to the criminology of law* [Vvedenie v kriminologiyu zakona], Yuridicheskii tsentr Press, St. Petersburg, 75 p.
21. Shevchuk, V.F., Shevchuk, V.D., Novikov, V.V. (2004), *Behaviour. Monograph* [Povedenie. Monografiya], Yaroslavl, 136 p.
22. Ter-Akopov, A.A. (1998), *Human security (theoretical foundations of socio-legal concept)* [Bezopasnost' cheloveka (teoreticheskie osnovy sotsial'no-pravovoi kontseptsii)], MNEPU, Moscow, 196 p.
23. The concept of public security in the Russian Federation" ["Kontseptsiya obshchestvennoi bezopasnosti v Rossiiskoi Federatsii"], available at: <http://kremlin.ru/acts/19653>
24. The right to security. On November 1, 2013 a discussion took place on the topic "The right to security" ["Pravo bezopasnosti. 1 noyabrya 2013 goda sostoyalas' beseda na temu "Pravo bezopasnosti"], available at: http://www.criminologyclub.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=146:2013-11-04-10-24-41&catid=3:last-sessions&Itemid=1
25. Vannovskaya, O.V. (2009), "Personal determinants of corrupt behavior" ["Lichnosnyye determinanty korrupsionnogo povedeniya"], *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*, No. 102, pp. 323-328.
26. Zhurkina, O.V. (2013), "Rules of international law and their impact on the national legislation concerning the relationship between the concepts of "protection" and "defence" ["Normy mezhdunarodnogo prava i ikh vliyanie na natsional'noe zakonodatel'stvo v voprose o sootnoshenii ponyatii "zashchita" i "okhrana"], *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava (Matters of Russian and International Law)*, No. 9-10, pp. 88-97.